

1915 ГОД

БОРЬБА ЗА РУССКИЕ КРЕПОСТИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

XX военные
тайны
века

М.В. ОСЬКИН

Военные тайны XX века (Вече)

Максим Оськин

**1915 год. Борьба за русские
крепости на Восточном фронте**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

Оськин М. В.

1915 год. Борьба за русские крепости на Восточном фронте /
М. В. Оськин — «ВЕЧЕ», 2026 — (Военные тайны XX века
(Вече))

ISBN 978-5-4484-5958-0

Как изменились взгляды на искусство фортификации перед Первой мировой войной? Почему русские крепости на западных рубежах империи встретили войну в запущенном состоянии? Какую роль сыграли они в кровопролитных сражениях 1915 г. и почему все они, в конце концов, были оставлены русскими войсками? Обо всем этом рассказывается в новой книге военного историка М.В. Оськина.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-4484-5958-0

© Оськин М. В., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Оськин Максим Викторович 1915 год. Борьба за русские крепости на Восточном фронте

© Оськин М.В., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

Введение

Кампания 1915 г. на Восточном фронте стала тяжелейшим испытанием для Российской империи. Кто до первых выстрелов Первой мировой войны мог предполагать, что русский «паровой каток», чьей мощи и многочисленности штыков так боялись в Центральной Европе, будет сдержан на рубеже водораздела Средней Вислы – Сана, и горных перевалов Карпат? В ожесточенных сражениях кампании 1914 г. сошедшиеся в смертельной схватке старые европейские монархии – Российская, Германская и Австро-Венгерская – истощили предвоенный потенциал друг друга, не добившись поставленных накануне войны целей по разгрому противника. В 1915 г. пришлось все начинать сначала, но теперь преимущество получал тот, кто лучше учел уроки первого полугодия и первым превратил страну в военный лагерь.

Если на Западе французы, англичане и бельгийцы, сумев отразить удар германского блицкрига, замерли в своих окопах, выигрывая время для перевода экономики на военные рельсы, образования многочисленных резервов, развертывания тяжелой артиллерии, создания новых дивизий и целых армий, то на Востоке без оперативной паузы продолжалась титаническая борьба. Русские, сознавая, что заготовленные для войны боеприпасы подходят к концу, яростно бросались вперед, надеясь нанести Австро-Венгрии смертельный удар раньше, нежели получат его сами – вывод австрийцев из конфликта стал приоритетной задачей, благо что этот враг был заведомо слабее России.

Немцы не могли оставить своего союзника в беде. Германское военно-политическое руководство, оценив обстановку на фронтах войны и сознавая, что западные союзники не смогут и не пожелают оказать русским достойной помощи, решает перенести усилия на Восточный фронт. Взятие Парижа, к которому в сентябре 1914 г. рвались германские армии, не состоялось, а терять союзника было невозможно: в одиночку Германия долго бы не продержалась. Изменив и скорректировав планы войны, кайзер Вильгельм II был полон намерений отбросить русские армии столь далеко на восток, чтобы, когда будет повторен удар по Парижу, разгромленная Россия уже не смогла бы помешать Германии добиться европейской гегемонии.

«В 1915г. Россия вступила в полосу своих несчастий», – говорит А.И. Уткин¹. Тучи на востоке накапливались постепенно, и к весне их уже нельзя было игнорировать. В Восточной Пруссии три германские армии заняли исходное положение для решительного наступления вглубь русской Польши. Оставалось лишь обеспечить встречное движение с юга – из австрийской Галиции, в 1914 г. занятой армиями русского Юго-Западного фронта и которую теперь предстояло очистить от русских, выбив их с карпатских перевалов. Гигантские «клещи» должны были сомкнуться за Варшавой, уничтожив большую часть русской военной силы. После этого выход могущественной Российской империи из войны представлялся несомненным.

Крупный замысел требует соответствующих усилий. Австро-венгры, успешно оборонявшиеся, не смогли бы сами, без немецкой помощи, опрокинуть русских, выбивая их из Карпат – слишком велики оказались последствия поражений в Галиции. В результате на Восток потекли новые эшелоны с Запада. В наиболее слабом месте русской обороны – на стыке двух фронтов, Северо-Западного и Юго-Западного – германцы сосредоточили очередную новую армию. 11-я армия графа Макензена, составленная из ветеранов Французского фронта, должна была положить начало русскому отступлению на восток. В то же время, вскоре после первых выстрелов в 11-й армии, германское командование создает в Восточной Пруссии дополнительную группировку, вскоре получившую наименование 12-й армии.

¹ Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001. С. 177.

Постепенно все новые и новые германские резервы текли на Русский фронт. В итоге, в то время как во Франции против всех западных союзников вместе взятых в кампании 1915 г. продолжали драться те же самые 7 германских армий, что и в августе 1914 г., но зато ослабленные перебросками части своих корпусов на Восток, на Восточном фронте против одних только русских летом 1915 г. стояли 5 германских, 5 австро-венгерских и 2 смешанные австро-германские армии. В то время как англо-французы весь год не могли прорвать турецких укреплений Дарданелл и набирались сил в окопах Северной Франции, русская действующая армия с громадными потерями в живой силе и технике отступала под ударами 12 неприятельских армий. Летом 1915 г. силы противников на Восточном фронте были равны по армейским единицам, но австро-германцы превосходили русских не только в живой силе, но неизмеримо – в технике и боеприпасах. Отступление было неизбежно; открытым вопросом стояли сроки отхода и крайний его восточный рубеж.

Отход русских войск на восток в кампании 1915 г. получил название Великого Отступления. С апреля по сентябрь обескровленные русские войска сдерживали напор объединенной неприятельской военной машины. Без боеприпасов, с нехваткой артиллерии и пулеметов, с отсутствием винтовок на каждого бойца, русские сумели не допустить окружения и успешно вышли из Польши, не дав окружить ни одной своей армии и даже хотя бы одного корпуса. За плечами отступавших оставались сотни тысяч пленных и убитых, сданные крепости, оставленные губернии Польши, Галиции, Литвы и Западной Белоруссии. Для императорской России это был самый сложный период в ее истории. Однако же в России ни на миг не усомнились в продолжении борьбы до полной победы над нависшей над нашей Родиной угрозой германского милитаризма.

Война как явление не только социальное, но и техническое, неизбежно влечет за собой разнообразные изменения в развитии народного хозяйства страны, участвующей в вооруженном конфликте. Чем более многочисленными становились армии, противостоящие друг другу, вовлекая в себя наряду с профессионалами мирных обывателей, в результате введения всеобщей воинской повинности, тем значительнее для успеха становились факторы мирной жизни. Уже очень скоро все государства стали заблаговременно готовиться к будущему противостоянию с вероятным противником, для чего работала вся страна. Современная война, ведущаяся десятками миллионов людей на фронте и в тылу, предполагает, что база победы будет заложена еще в мирное время. Древние римляне говорили: «Хочешь мира – готовься к войне». Такая подготовка войны велась задолго до первой крови, проливающейся в грядущем противоборстве.

К началу XX столетия прошли те времена, когда, по образному выражению древних, «война сама кормит себя». Вооруженные силы, сосредоточиваемые на театре военных действий, требовали своего питания всем необходимым: оружием, боеприпасами, резервами, продовольствием, вещевым имуществом и многим-многом прочим. На протяжении долгого времени определенным преимуществом в данном отношении пользовались те державы, в руках которых находились военно-морской флот, многочисленный морской транспорт и контроль за морскими коммуникациями. Державам же сухопутным приходилось концентрировать запасы на самом театре военных действий. Чтобы прикрыть их от ударов противника, близ границ возводились крепости – уже не как защита того или иного города, подобно эпохе Средневековья, а как усиление того или иного участка в общей оборонительной системе страны.

Однако, даже рассчитывая на всецело наступательную войну, никто не мог заранее предполагать, что сможет быть сильным везде и всюду. Поэтому крепостные районы, в начале XX века представлявшие собой не классические крепости со стенами и верками, а ряд взаимосвязанных между собой фортификационных сооружений, примененных к местности и способных противостоять современной скорострельной артиллерии, также не были забыты. Та же Восточная Пруссия, где немцы предполагали победить маневром, а не количеством живой

силы, являла из себя сплошной укрепленный район, где фортификация дополняла природу. Тем самым германское руководство, намереваясь наступать, сделало все, чтобы в случае перемены фортуны наступающий противник глубоко увяз в оборонительной системе Восточного фронта.

Русские крепости начала войны находились в скорее удручающем состоянии, будучи «заброшены» военным министерством. Первое их «разорение» произошло в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда крепостные запасы и имущество отправлялись на Дальний Восток без надежды их восполнения в будущем. Поражение в Маньчжурии и резкое сокращение финансирования вооруженных сил сделали крепости «падчерицами» военного ведомства, снабжавшимися по остаточному принципу. О состоянии русских крепостей на западной границе образца 1906 г. сообщает военный министр этого периода: «В современном их виде крепости были неспособны выдержать осаду, а лишь могли несколько задержать противника, заставляя его подвозить к ним свои осадные средства. Скорое падение их не представляло сомнения, а между тем, и войска и население возлагали на крепости преувеличенные надежды, не подозревая, что они вовсе не отвечают ни своему назначению, ни названию»².

Накануне войны решить проблемы кардинальным путем не успели, и все без исключения крепости были потеряны русскими в период Великого отступления 1915 г. Одни из них, как Ивангород или Осовец, дрались до конца, сдерживая натиск многократно превосходившего противника, и были оставлены лишь по приказу в связи с общим отходом. Другие, как Новогеоргиевск или Ковно, сыграв свою роль артиллерийских складов и морального фактора в кампании 1914 г., были бесславно сданы врагу, вследствие как общей слабости обороны, так и преступных ошибок штабов и комендантов. Гродно и Брест-Литовск были просто оставлены либо после минимального сопротивления, либо вообще без такового. Лишь схватка за австрийскую крепость Перемышль, взятую русскими после полугодовой осады, и затем потерянную в ходе Великого Отступления, воскресила память войн Нового времени, когда блокада крепостей являлась чуть ли не ключом ко всей кампании.

Заблаговременно подготовленную оборонную крепостную мощь заменил маневр, обеспечиваемый железнодорожным транспортом. Первая мировая война провела резкую грань между «нервами» и «мускулами» фронта. Железные дороги утвердили свое значение для хода и исхода войны в качестве ключевого принципа. Отныне война вообще не могла вестись без железнодорожной сети, и отставание в этом вопросе было воистину «смерти подобно». Напротив, разочарование в силе крепостей стало всеобщим, так как опыт войны показал, что крепость лишь тогда имеет значение, когда она включена в общий фронт полевых армий. Без этого, при силе современной артиллерии, она обречена на быстрое уничтожение, не оправдывая ни средств, вложенных в нее, ни потерь, понесенных при обороне. Теперь классические крепости с круговой обороной, предназначенные для выдерживания длительной осады, которые из узла обороны вполне могли стать складами трофеев, заменяются укрепленными районами, протягивавшимися на гигантские расстояния, в стремлении прикрыть все, что только возможно.

² Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 74.

Глава 1

Подготовка восточного театра военных действий в крепостном отношении

*Крепость сильна не верками,
а мужеством гарнизона.
Надпись на медали*

Крепостная система Российской империи на границах с Германией и Австро-Венгрией, невзирая на договоренности Священного союза по окончании Наполеоновских войн, стала укрепляться сразу после того, как Центральная Польша с Варшавой перешла во владение России в 1815г. Костяк этой обороны составляли старые крепости, существовавшие веками. Но теперь они должны были быть укреплены согласно новейшим подходам. Вдобавок получить современное вооружение. В-третьих, русские крепости в Польше должны были служить не только против «врага внешнего», то есть австро-германцев, но и против «врага внутреннего», то есть поляков, чья лояльность к российской короне постоянно подвергалась сомнениям.

Несмотря на всевозможные внешние реверансы со стороны России, нельзя было забыть, что поляки с 1789г. воевали на стороне Французской революции, а затем Наполеона, рассчитывая на восстановление Речи Посполитой в пределах до 1-го раздела Польши. Ясно, что никакие разумные доводы не могли успокоить многочисленную польскую шляхту в том, что Украина и Белоруссия – это не польские земли. Именно поэтому немцы и русские, разделившие Польшу в результате трех разделов, а впоследствии упрочившие этот факт после падения Наполеона, зорко следили за проявлениями польского сепаратизма.

Польское восстание 1830–1831гг., подавление которого обошлось России большими жертвами, укрепило нового императора Николая I в необходимости проведения репрессалий в отношении непокорной провинции. Конституция, дарованная императором Александром I, была отменена, а по самой Польше стали строиться новые укрепления старых крепостей, призванные задавить любой бунт в зародыше. Во многом этот подход оправдался в ходе подавления восстания 1863г. Таким образом, крепостная система на западных границах Российской империи в основе своей была заложена в 30–40-е гг. XIX столетия, с тех пор только совершенствуясь и наращивая «мускулы».

Спустя полвека эта система во многом устарела. Во-первых, сражения развертывались теперь в виде армейских, а то и фронтовых операций на пространстве в десятки верст по фронту и столько же в глубину. Во-вторых, скорострельная и тяжелая артиллерия предъявила к фортификационным сооружениям повышенные требования в смысле их боеспособности. Также, для того чтобы противостоять полевой артиллерии, крепости должны были располагать современными образцами артиллерии. Между тем тяжелых полевых батарей не хватало и для полевых армий.

В новых условиях ведения военных действий требовались новые крепости – в виде укрепленных районов (УРов). Первыми и единственными к июлю 1914г. новые требования осознали немцы, во многом интуитивно укрепившие Восточную Пруссию подобными крепостными районами. Русские же «крепости, стратегически распланированные при Николае I, как двойные тет-де-поны на важнейших реках Польши, утратили в XX веке значительную часть смысла своего существования... Переправы через реки могли осуществляться, при современных мостовых средствах, в любом месте и требовали гораздо большего фронта, чем им обеспечивали даже первоклассные крепости. Последние выполняли свою маневренную роль, когда фронт генерального сражения не превосходил десятка верст. Новые условия требовали долговремен-

ного укрепления не одного пункта на реке, а всего ее течения; укрепленный рубеж создавался переплетом огня тяжелой артиллерии по всей реке. Если бы на Немане, Бобре и Нареве мы имели такую стратегическую опору, наши операции в мировой войне были бы действительно облегчены крепостями»³. К тому же вооружить крепости современной эпохе тяжелой артиллерией для России образца начала XX века оказалось невозможным.

Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. резко ослабило Российскую империю. Стало ясно, что в современной войне никакая многочисленность войск при отсутствии техники и коммуникаций не спасет от разгрома. Начало Великих реформ эпохи императора Александра II, начавшееся 19 февраля 1861 г. с отмены крепостного права, сконцентрировало внимание и ресурсы страны на внутренних проблемах. Проведение военной реформы, во главе которой в семидесятых годах встал Д.А. Милютин, откладывалось в самую последнюю очередь, ввиду ее очевидно высокой стоимости. Между тем дело не стояло на месте.

Первыми, в 1861–1865 гг., принципы ведения современной войны, характеризующейся масштабными операциями, столкновениями больших масс войск, возросшей ролью артиллерии и скорострельного оружия вообще, продемонстрировали американцы в Гражданской войне. Затем, с развитием военной техники и принятием на вооружение новейших образцов стрелкового оружия и артиллерии, на арену мировой и европейской политики выступили немцы. Объединяя Германию вокруг Пруссии, О. фон Бисмарк не забывал ни о чем. Заложенные при нем выдающимися военными деятелями Мольтке-Старшим и Рооном принципы организации германских вооруженных сил позволили Германии стать самой мощной державой Европы в XIX веке, а в следующем столетии – вести мировые войны против чуть ли не всего остального мира вместе взятого.

Австро-прусская 1866 г. и франко-прусская 1870–1871 гг. войны вывели единую Германию в лидеры мирового милитаризма. На западной границе России выросла страшная сила, способная и в одиночку схватиться с ослабевшей Российской империей. Образование Тройственного союза в 1882 г. лишь укрепило эту опасность. В свою очередь, победа России над Турцией в войне 1877–1878 гг. оказалась вымученной и ознаменовалась большими потерями, первопричиной которых стало отвратительное качество высшего командования и отсталость в вооружении даже от турок. Сразу по окончании войны с Турцией и Берлинского конгресса, лишившего Россию большей части плодов военного успеха, военным министерством стали разрабатываться первые решительные планы предстоящей борьбы с Германией.

Позиция немцев, на Берлинском конгрессе поддержавших давних недругов России – Великобританию и Австро-Венгрию, показала, что в будущем Германия станет скорее противником, нежели союзником России. Следовало позаботиться не только о перевооружении армии, но и об укреплении западных границ. Одним из первых за составление планирования, которое в то время выражалось в виде специальных «Записок» на имя военного министра или лично императора, взялся главный герой русско-турецкой войны и наиболее выдающийся полководец России со времен Суворова и Кутузова – М.Д. Скобелев. В своих мыслях он опирался как на оценку возможностей противников, так и на состояние современной ему России, пока вынужденной брать на вооружение оборонительный образ действий. При этом, хотя в конце XIX века между Россией и Германией еще не существовало непреодолимых противоречий, убежденный франкофил Скобелев считал, что чем раньше начнется подготовка к войне с Германией и ее союзниками по Тройственному союзу, тем меньше жертв это будет стоить России в будущем.

Агрессивная политика Берлина, пока еще четко не намеченная Бисмарком в качестве рывка к европейской гегемонии, уже была просчитана в России. И первыми противниками империи могли считаться те великие державы, что соседствовали с Россией на западных гра-

³ Свечин А. Эволюция оперативного развертывания // Война и революция. 1926. № 5. С. 14.

ницах. Поэтому, «заранее, в 80-х гг. XIX века, к будущей войне с Германией призывал готовиться Скобелев. Сразу же после посещения германских маневров 1879г. им был разработан план войны с учетом недостатков немецкой тактики и стратегии: рутины охватов, слепой веры в стремительное наступление, пренебрежении к инженерному оборудованию позиций. Вместо системы крепостей он полагал необходимым установить по западной нашей границе „Варшаво-Новогеоргиевско-Глубо-Наревский плацдарм наподобие Плевны“, противопоставить немецким молниеносным действиям стратегию затяжной войны на истребление и истощение, в расчете, что армию противника „доканает время“, а также „солдатская твердость и стойкость“. На случай быстро организованного вторжения противника М.Д. Скобелевым планировалось проведение глубокого кавалерийского рейда по немецким тылам силами великолепной среднеазиатской и кавказской конницы для нанесения материального ущерба, сеяния паники и страха. По окончании мобилизации и вступления в войну главных сил предполагалось в первую очередь разбить и вывести из войны австрийцев, а затем уже развернуть наступление на Германию»⁴. Как видим, М.Д. Скобелев оценивал не только Германию, но и Австро-Венгрию в качестве наиболее вероятных врагов России в ближайшей перспективе. В своих записках Скобелев закладывал фундамент современной фортификации, заключающейся не в системе отдельных крепостей, а в сочетании их «плацдармом» в таком качестве, что после Первой мировой войны называли бы укрепленным районом стратегического характера.

Можно видеть, что, принимая для первого этапа войны (впредь до окончания мобилизации, проводимой в России малыми темпами из-за неразветвленной сети железнодорожных коммуникаций) оборонительный способ действий, впоследствии русские предполагали вести наступательную войну. И, прежде всего – против Австро-Венгрии. Для того, чтобы выдержать первый этап войны, Польша и укреплялась фортификационными сооружениями. Затем сосредоточивавшаяся русская армия и должна была переходить в контрнаступление.

Эти взгляды разделялись всеми высшими руководителями русской военной машины. С 1880-х гг. Генеральный штаб считал, что в случае одновременной войны с Германией и Австро-Венгрией предстоит вести против одной из сторон наступательные, а против другой – оборонительные действия. Соответственно, для этой задачи подготовлялся укрепленный «Привислинский район» – русская Польша. Крепости Новогеоргиевск, Варшава и Ивангород давали русским возможность маневрировать по обоим берегам Вислы. Район Наревы и люблинское направление искусственно были превращены в бездорожье, усиленное крепостями. К концу века русская крепостная система была достроена: Ивангород был выстроен в 1837–1853 гг., 1842 г. – Брест-Литовск, Осовец – 1882–1887 гг., Ковно – 1889 г.

Крепости должны обеспечивать свободу маневрирования полевых армий на обоих берегах водных рубежей, при этом надежно закрывая свой берег от вражеских атак: «Крепостью или крепостным районом надо называть заблаговременную и гармоническую (согласованную во всех отношениях) подготовку всех средств борьбы, необходимых для прочного удержания за собой избранного пункта (или района)»⁵. Следовательно, контролируя правый (восточный) берег Вислы, до окончания на западных границах сосредоточения действующей армии, весь Польский выступ оставался бы вне неприятельского вторжения. Ведь в Польше были расположены громадные воинские склады, выстроены передовые коммуникации, подготовлены условия местности для вторжения во вражеские пределы.

Это все – не говоря уже о потере самого пространства, которое затем пришлось бы брать обратно кровью, не говоря о политическом престиже государства и работе оккупированной территории (люди, промышленность, сельское хозяйство и проч.) в пользу противника. Исходя из данных постулатов, руководители русского военного ведомства стремились усилить оборо-

⁴ Офицерский корпус русской армии (опыт самопознания). М., 2000. С. 564–565.

⁵ Невский Г.Г. Долговременная фортификация. М., 1927. С. 7.

носпособность выдвинутого вперед и подверженного фланговым ударам Польского выступа крепостями. В конце века, когда острое российской внешней политики стало ощутимо смещаться на Дальний Восток, безопасность Западного театра стала еще более насущной задачей.

Новый военный министр А.Н. Куропаткин – бездарный полководец, но выдающийся администратор – делал все от него зависящее, чтобы даже увязшая в Азии Россия (здесь, конечно, предполагалось противостояние прежде всего не с Японией, которую до 1896 г. не рассматривали в качестве вероятного достойного противника, а с Великобританией) могла бы удержать Польшу в случае одновременного конфликта в Европе. Если учесть, что для перегруппировок значительных воинских масс с восточных границ Российской империи на запад требовались глобальные усилия транспорта, то очевидно, что ведение оборонительных действий в Польше могло затянуться на значительное время.

В период Русско-японской войны 1904–1905 гг., невзирая на отсутствие очевидной угрозы с Запада в ближайшей перспективе, русское руководство не решилось на переброску в Маньчжурию большей части кадровой армии, невзирая и на неблагоприятный ход военных действий. Сам же военный министр, писавший о себе в третьем лице, так характеризовал собственные усилия по обороноспособности западной государственной границы в отношении крепостей: «Куропаткин имел в виду создать огромный, недоступный вторжению укрепленный район на нашем передовом театре: Новогеоргиевск, Варшава, Ивангород (по р. Висле) – Западный фронт; Ивангород, река Вепрж, Коцк-Влодавский озерно-болотистый район – Южный фронт и, наконец, Северный фронт – по Нареву с крепостями Новогеоргиевск, Зегрж, Пултуск, Рожаны, Остроленка, Ломжа, крепость Брест-Литовск...»⁶.

Появление фугасных снарядов и дальнобойной артиллерии вынудили инженеров перестраивать крепостные системы. В России работы начались после Русско-японской войны. Стало ясно, что новые крепости должны укрепляться так, чтобы противостоять возросшей мощи орудий. Ведь вплоть до начала Первой мировой войны предполагалось, что крепость должна выдержать и полную осаду, дожидаясь деблокады со стороны временно отступившей полевой армии. Опыт покажет, что ни одна полностью блокированная крепость не может выдержать обстрела тяжелыми калибрами, до 420-мм включительно, что крепостной район может драться только в тесной «связке» с полевыми войсками. Но все это станет ясно лишь в 1914 г.

Пока же две основные идеи, вынесенные будущим героем обороны крепости Ивангород, военным инженером А.В. фон Шварцем, из опыта борьбы за Порт-Артур, заключались только в следующем: «1). Необходимость заблаговременной подготовки стрелковой позиции в промежутках между фортами и 2). Необходимость прочных закрытий для стрелков на фланках фортов от огня». Схема современной сухопутной крепости, по Шварцу: «В центре – защищаемый город, обнесенный оградой; по периферии – отдельные укрепления, форты, с батареями между ними. Форты, промежутки между фортами и батареи составляют позицию боя, ограда же является как бы запасной, последней позицией. Кроме того, по площади, ограниченной линией фортов и оградой города, разбросаны пороховые погреба и пути сообщения, связывающие линию боя с городом»⁷.

После поражения в Русско-японской войне и потрясений Первой Русской революции русская военная мощь оказалась надломленной. Помимо падения боеспособности вооруженных сил в принципе (революционное движение в войсках), резко сократилось финансирование военного ведомства. И прежде получавшие кредиты чуть ли не в самую последнюю очередь, крепости должны были в полной мере испытать на себе последствия смутного периода. Генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) Ю.Н. Данилов, в тече-

⁶ Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб., 2003. С. 8.

⁷ Шварц А.В. фон. Влияние данных борьбы за Порт-Артур на устройство сухопутных крепостей. СПб., 1910. С. 5, 7.

ние всего межвоенного периода занимавшийся планированием войны против Центральных держав, указывает: «Все наши крепости, ко времени приступа к переоценке их значения, имели крайне устарелое начертание в плане, состояли из укреплений и построек несовременного типа и профилей, снабжены были артиллерией „музейных“ образцов и, обобранные в период японской войны, были почти лишены необходимых запасов... технически наши крепости являлись вполне немощными и в таком виде могли принести полевой армии лишь один вред. Они требовали наделения их многочисленными гарнизонами, тем большими, чем несовершеннее было техническое их устройство, и этим весьма существенно должны были ослаблять численно нашу живую силу в поле. Но даже широко снабженные гарнизонами, эти крепости не могли ни при какой обстановке явиться опорными пунктами для маневрирования полевой армии. Напротив, эта последняя вынуждалась постоянно считаться со слабой сопротивляемостью крепостей и необходимостью оказывать им поддержку во избежание возможного их падения»⁸.

Между тем франко-русские соглашения требовали в случае большой европейской войны немедленного наступления русских армий на запад, так как к 1906 г. – отставке автора германского плана войны графа А. фон Шлиффена – было понятно, что отказываться от «Плана Шлиффена» – быстрого выигрыша войны на два фронта в результате блицкрига – немцы не намерены. Российская финансово-экономическая зависимость от союзника понуждала русских выполнять соглашение. Ведь французы дали деньги на подавление Первой революции, а потом предоставили кредиты на строительство стратегических железных дорог, которые строились в Польше и Литве и должны были ускорить русское сосредоточение во имя срыва «Плана Шлиффена», предполагавшего в качестве первоочередной цели германской агрессии сокрушение Франции.

Плачевное состояние русской крепостной системы требовало громадных денежных вливаний. Военный министр А.Ф. Редигер вспоминал, что после Русско-японской войны «все наши крепости были далеко не закончены, вооружены по большей части устарелыми орудиями, и не имели нужных запасов. На довершение постройки верков и на снабжение крепостей современной артиллерией нужно было около 800млн рублей. То есть, такая сумма, добыть которую нечего было и думать. На одни инженерные работы в крепостях требовалось около 300млн рублей, а ежегодно на это отпускалось всего около 6 миллионов! Таким образом, все эти работы могли бы быть выполнены в 50 лет»⁹. С 1909 г. ситуация все-таки стала более благоприятной. Чтобы сохранить в своих руках Передовой театр и не допустить срыва неприятельским ударом мобилизационных мероприятий, русские единовременно выделили значительные средства на реорганизацию крепостей, как только это позволило финансовое положение страны. Переданные в 1910 г. военному министерству 715 млн рублей подразделялись: 147 млн на пополнение материальной части, 81 млн на тяжелую артиллерию, 373 млн на крепости (!), 114 млн на строительство стратегических шоссе. Морское министерство получило 698 млн рублей на восстановление флота.

Как бы то ни было, денег не хватало. Поэтому новый военный министр (с 1909г.) В.А. Сухомлинов решил реорганизовать русскую крепостную оборону на западе страны. Было решено отнести развертывание полевых армий вглубь, на линию Белосток – Брест-Литовск, что подразумевало оставление без боя всего Польского выступа. Соответственно, существовавшие там крепости подлежали упразднению. В связи с нехваткой времени вышло так, что старое уничтожалось, а новое еще не успело вступить в строй. Поэтому, как справедливо считал А.М. Зайончковский, «мнение о том, что Россия вступила в мировую войну почти без инженерной подготовки театра предстоящей борьбы, не будет слишком преувеличено»¹⁰.

⁸ Данилов Ю.Н. Россия в Мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 42.

⁹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 73.

¹⁰ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002, С. 48.

Первоочередному упразднению подлежали крепости Варшава и Ивангород, удержать которые на начальном этапе войны генерал Сухомлинов не рассчитывал. Старые укрепления подлежали уничтожению, чтобы противник, заняв данные пункты, не смог ими воспользоваться в своих интересах. Это было логично в случае принятия на вооружение оборонительного плана войны, а иного в условиях разрушенной армии после революции 1905–1907 гг. не могло и быть. Вынесенной вперед оставалась только крепость Новогеоргиевск, которая поглотила слишком много средств, чтобы просто так отказаться от нее. Но теперь на Новогеоргиевск возлагалась задача ведения круговой осады в начале войны. При этом, правда, усиливались те крепости, которые было решено сохранить.

Основные положения «русской фортификационной школы» перед Первой мировой войной, высказанные русскими крепостными инженерами в ряде статей и трудов специального характера, заключались в следующем:

«1). Неприемлемость броневых установок орудий, как основного типа установки таковых в крепостях, а лишь использование их в некоторых частных случаях;

2). Неприемлемость для крепостей идей броневой фортификации...

3). Крепостная позиция должна быть организована из ряда сильных опорных пунктов, „фортов-редутов“, имеющих задачей оборону самой крепостной позиции и доступов к ней фланкирующим огнем легких орудий. Крепостная же артиллерия, предназначенная для артиллерийской борьбы, прикрытая с фронта пехотными позициями, должна быть расположена в промежутках между фортами, разбросанно и маскировано, и по возможности быть подвижной, для облегчения ей перемены позиций и сосредоточения – чему должна способствовать широко развитая сеть крепостных дорог, шоссе и железных;

4). Промежуточные позиции артиллерии и пехоты должны быть снабжены сильными долговременными и временными препятствиями, и безопасными от бомб убежищами и хранилищами огнестрельных припасов;

5). Крепостные форты, являясь, в сущности, в вышеуказанной схеме капонирами для крепостной позиции, должны фланкирующие орудия охранять от всяческих покушений противника, то есть, от разрушения огнем и взятия штурмом...

6). Как на фортах, так и на промежуточных позициях, должны быть устроены бронированные наблюдательные посты;

7). Каждый форт, если соответствовало тому его положение в ряду других опорных пунктов крепостной позиции, мог стать основным опорным пунктом укрепленной группы»¹¹.

Таким образом, возведенная еще многолетним начальником Главного штаба Н.Н. Обручевым и его последователями крепостная система в Польше незадолго перед войной была существенно разрушена, а нового не успели сделать, вследствие нехватки финансирования и господства наступательных тенденций в настроениях командного состава. Разрушение крепостной системы, выстроенной на принципах эпохи военного министерства фельдмаршала Д.А. Милютин, производилось, прежде чем позади, на линии предполагаемого развертывания новых крепостей, была возведена новая система.

До 1903 г. военное ведомство, выразителями идей которого стали Н.Н. Обручев и Д.А. Милютин, а затем и А.Н. Куропаткин, укрепляло речные линии Немана, Нарева и Средней Вислы мелкими укреплениями, разбросанными в ключевых точках этих линий. Руководители военного ведомства исходили из того представления, что искусственные преграды должны предоставить возможность удержания противника, преследующего наши войска в случае отступления. Армии, получившие передышку для отдыха, перегруппировки, усиления резервами под прикрытием укреплений, могут вновь перейти в наступление, пожертвовав при отходе возможно меньшей частью российской территории. Та же военно-фортификационная

¹¹ Величко К.И. Крепости до и после мировой войны. М., 1922, С. 13–14.

мощь обеспечивала прикрытие развертывания русских армий в период мобилизации, их сосредоточение в пограничных районах и изготовку к наступательным действиям.

Уже после окончания Русско-японской войны стали раздаваться первые смелые высказывания отдельных военных и государственных деятелей о необходимости упразднения крепостной системы государственной обороны Российской империи. Определяющим аргументом служил простой расчет соответствия между громадными материальными затратами на крепости и необходимостью полевой армии в технических средствах ведения боя. Действительно, Россия была связана с Францией взаимными обязательствами на случай войны, и к русско-германской границе протягивались стратегические железнодорожные линии, выдвигались кавалерийские дивизии прикрытия, а обязательства, данные союзникам по Антанте, предусматривали вторжение русских армий на территорию Германии, в Восточную Пруссию. Хорошо, конечно, иметь и крепости, и необходимое вооружение, и технику для полевых войск, но финансирования не хватало и следовало выбирать первоочередность вкладывания бюджетных средств. Как представляется, приоритет полевой армии несомненен: в современной войне крепость как самодевуствующее целое не оправдывала себя и, главное, тех затрат, что отпускались на ее строительство и дальнейшее содержание, в ущерб усилению полевой армии.

Еще в 1903г. император Николай II под давлением военного министра пришел к выводу об упразднении ряда второстепенных крепостей. Однако даже и в этом случае высвободившиеся средства было предположено пустить на развитие и совершенствование оставшихся и вновь строившихся первоклассных. Впрочем, приведение в исполнение и этого, половинчатого, решения растянулось на годы. Так, при составлении сметы военного министерства на 1908г. предполагалось отпустить 10,8млн рублей на перевооружение артиллерии скорострельными орудиями, а 4млн – на изготовление предметов крепостного вооружения¹². Военное ведомство не торопилось отказываться от содержания «дорогостоящих игрушек».

Опыт Русско-японской войны был воспринят совершенно не так, как этого следовало бы ожидать. Героическая оборона Порт-Артура давала основания для вывода в пользу крупных крепостей, способных действовать как в сочетании с действиями полевых армий, так и совершенно самостоятельно. В итоге военное ведомство упразднило сложившуюся систему оборонительных линий на западных границах, заменяя их огромными ловушками для собственных войск. То есть – крепостями с круговой обороной, контролировавшими постоянные мостовые переправы на речных водоразделах, имевшими стратегическое значение. Казалось бы, что и волки сыты, и овцы целы: происходит сокращение крепостных сооружений, и в то же время армия получает прочный оперативный базис для развития операций.

Однако же, как всегда, благие по внешности намерения имели отрицательные последствия. Сомкнутые крепости, якобы прикрывающие железнодорожные узлы или речные переправы, становились архаизмом. Как раз не разрушаемая оборонительная система, а вновь укрепляемые крепости были бессильны против новейшей техники. Задолго до войны главный противник-стратег России граф А. фон Шлиффен указывал в своей работе «Полководец», что во всех войнах и сражениях, которые пришлось вести Германии в новое время (Кениггрец, Гравелот, Седан, Париж) неприятельские крепости только помогали немцам. Яростный проповедник молниеносного удара и непрерывного наступления, фельдмаршал Шлиффен писал о неприятельских крепостях: «Они произвольно привлекали противника, не решающегося атаковать, задерживали его и способствовали или облегчали его окружение». А один из крупнейших российских военных теоретиков называет крепости «колоссальным материальным призом»¹³. Вероятное упование противника на свои крепости побудило немцев к развитию

¹² Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 366.

¹³ Цит. по: Стратегия в трудах военных классиков. М., 2003. С. 319; Постигание военного искусства. Идеиное наследие А. Свечина. М., 2000. С. 357.

тяжелой артиллерии, ставшей в Первой мировой войне основным средством устойчивости войск при обороне и главной силой во время наступления даже и в поле.

Тем самым в сознание русских военачальников вкладывалась та мысль, что не разгром войск противника, а удержание территории обеспечивает владение ей. В начале Первой мировой войны это скажется с очевидностью (1-я русская армия под Кенигсбергом или остановка трех армий Юго-Западного фронта перед крепостью Перемышль по окончании Галицийской битвы). Районы крепостей заставляли отвлекать значительные массы войск и боевой техники для второстепенных действий, ослабляя тем самым наступательную способность полевых армий. Хотя крепость, взаимодействующая с полевой армией, предопределяет фронтальное столкновение, заставляя противника, тем самым, отказаться от фланговых ударов. С одной стороны, крепости способны удержать резервы противника в самый решительный момент, выигрывая время для подрыва неприятельского маневра на выигрыш темпа. С другой – притягивая к себе собственные силы, оперативно связывают их в этом районе, побуждая подставляться под удары врага (Верден в 1916 г.).

Бесспорно, крепостные районы усиливают обороноспособность страны. Хорошо, если они есть, так как определенную позитивную роль крепости сыграют, по крайней мере, будут иметь такой шанс. Например, в августе 1914г. французские крепости Верден и Туль получили значение опорных пунктов полевых войск. Стремясь сохранить единство фронта, крепостные подразделения действовали во фланг и тыл обходящих германских войск, лишь бы избежать осады и неизбежной капитуляции. Крепость Туль послала на фронт тяжелую артиллерию и боеприпасы, ибо прочность общей обороны откатывавшейся к Парижу французской армии зависела в первую очередь от взаимосвязи полевых армий и крепостей: «В значительной степени благодаря крепостям французский фронт не был прорван как минимум в двух местах и тем обрушен»¹⁴. В то же время наиболее современная крепость Мобеж, вынесенная на границу с Бельгией, капитулировала всего через 10 дней после обложения, несмотря на 50-тысячный гарнизон при 350 орудиях. Конечно, крепость отвлекла на себя 7-й германский резервный корпус, но трофеи немцев оправдали себя, в то время как затраты французов на строительство крепости представляются во многом напрасными. Как бы то ни было, хорошо иметь крепости, но иметь сильную полевую армию еще лучше. И если денег на все не хватает, то следует выбирать.

Таким образом, с 1910г. воззрение руководителей военного ведомства Российской империи претерпело кардинальные изменения. Отказ от системы фельдмаршала Милютин стал достаточно неожиданным решением, вызвавшим оппозицию в среде высшего генералитета. Различия в подходах к крепостям, а значит, и к принципам развертывания и сосредоточения на западной границе, велики: «Центр тяжести Милютинской системы обороны лежал в удержании в своих руках в первый, самый трудный для русских, период войны, Польского мешка (Привислинский край), как отличного исходного пункта для дальнейших наступательных операций в наиболее выгодных направлениях. К этой идее и была приспособлена вся система крепостей. Центр тяжести Сухомлиновской идеи обороны лежал во фронтальном развертывании всех наших армий, примерно на линии Вильно – Белосток – Брест – Ровно – Каменец-Подольский, разделенных Полесьем. В зависимости от этого Сухомлиновым была намечена и соответствующая система крепостей, по крайней мере, для Северо-Западного фронта, по линии развертывания, то есть Ковно, Гродно, Осовец и Брест». При этом раскладе милютинская фортификация оставалась впереди на 250 верст и, следовательно, была подвержена ударам противника еще до того, как туда подоспеют отмобилизованные русские армии. А если вспомнить, что Сухомлинов уничтожал крепостные войска, полагаясь на наступательную мощь полевой армии, то эти крепости становились бы легкой добычей неприятеля. Но при этом сохранение

¹⁴ См. Приложение II в: *Галактионов М.* Париж, 1914 (Темпы операций). М., 2001. С. 568–569.

Новогеоргиевска, от которого не смогли отказаться по внутривойсковым соображениям («русский форпост в Польше»), разрушало всю стройность новой системы. А.М. Зайончковский далее говорит: «Шатание крепостной мысли за последние пять лет перед войной привело к тому, что мы выступили на войну собственно совсем без крепостей, за исключением, может быть, одного Новогеоргиевска. Старых крепостей не поддерживали, а о сооружении новых и о переустройстве Ковно составляли проекты еще в 1912г. Было потеряно пять лет невознагражденного времени для подготовки к войне»¹⁵.

Крепости должны не допустить переноса борьбы внутрь своей страны, и не нарушать внутренней работы государства. Ковно, Гродно и Брест-Литовск стали финансируемыми крепостями потому, что на эту линию относилось развертывание. В то же время мелкие фортификации вообще находились в заброшенном состоянии. Такие укрепления как «Олита, Меречь, Ломжа, Остроленка, Пултук, Зегрж состояли из оборонительных сооружений полудолговременного типа, без постоянного артиллерийского вооружения; в районе Остроленка, Пултук и Меречь возведение оборонительных сооружений было начато лишь после объявления войны»¹⁶.

Речной барьер Вислы с крепостями – это операционный базис, в котором путем применения долговременной фортификации и железных дорог до возможного предела облегчалось маневрирование полевых армий. Русские оборонительные линии по Неману, Бобру и Нареву позволяли обороняться малыми силами от немцев, что давало возможность бросить все силы против Австро-Венгрии. Однако уточненные положения франко-русской конвенции вынуждали русских также наступать и против германцев. Это – разброс сил. Как пишет В. Меликов, «Сухомлиновский вариант стратегического развертывания требовал не эшелонирования на основных направлениях в глубину с наличием удобно расположенных резервов для маневрирования, а, напротив, фронтального развертывания всех армий царизма на линии Вильно – Белосток – Брест-Литовск – Ровно – Каменец-Подольский, разделенной почти на два равных участка благодаря огромному лесисто-болотистому району Полесья. И вместо крепостей Передового театра Сухомлинов строил и укреплял крепости в районах Ковно – Гродно – Осовец – Брест-Литовск»¹⁷. В итоге старые крепости забросили, а новые еще не успели построить.

Система больших маневренных крепостей на Передовом театре, предназначенная для обеспечения развертывания полевых армий на главных направлениях – Новогеоргиевск, Варшава, Ивангород, Ковно, Ломжа, Осовец, Брест-Литовск получила высокопарное наименование «Порт-Артур на Висле». При этом крепость Новогеоргиевск считалась «передовой крепостью в Европе» еще со времен Александра III, сохранив этот статус до капитуляции летом 1915г.¹⁸ Между тем как бы дополнявшая Новогеоргиевск в обороне Польши Ковенская крепость находилась к моменту мировой войны «в совершенно незаконченном виде»¹⁹.

В XVII столетии французский «король-солнце» Людовик XIV повелел выдающемуся инженеру Себастьяну Ле-Претр де Вобану возвести по восточной границе Франции сплошную линию укреплений – «железную границу», от Ла-Манша до Швейцарии. Это строительство потребовало столько средств, что опустошило казну, вынудив сократить объемы финансирования вооруженных сил. В итоге французская армия, ранее превосходившая противника в артиллерии, стала уступать австрийцам, испанцам и немцам. Масса солдат была задействована на гарнизонной службе, зато в полевых войсках людей всегда не хватало. То есть постройка

¹⁵ Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. М., 1926. С. 153–154.

¹⁶ Вацетис И.И. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. М. – Л., 1929. Ч. 1. С. 7.

¹⁷ Меликов В. Проблема стратегического развертывания по опыту мировой и гражданской войны. М., 1935. С. 232.

¹⁸ См. Афонасенко И.М., Бахуриш Ю.А. Порт-Артур на Висле. Крепость Новогеоргиевск в годы Первой мировой войны. М., 2009.

¹⁹ Яковлев В.В. История крепостей. Эволюция долговременной фортификации. СПб., 1995. С. 287.

первоклассных крепостей привела к пассивности в характере ведения войны, что в конечном счете не позволило имевшим для того шанс французам вырвать европейскую гегемонию.

Отступление полевой армии в крепостной район для создания угрозы флангу и коммуникациям противника было решительно отвергнуто уже после франко-прусской войны 1870–1871 гг. Гибель осажденной армии маршала Базена в Меце доказала, что при современном состоянии техники (тяжелая артиллерия больших калибров) и сети коммуникаций (возможность быстрой переброски подкреплений железнодорожным маневром) осаждающий может удержать блокаду сравнительно малыми силами, высвобождая главные силы для продолжения наступления вглубь территории противника. Хотя такие выводы были сделаны и с опозданием (тот же Мец все-таки приковал к себе германские армии; блокада Плевны в 1877 г. осуществлялась главными силами русской армии, хотя ситуация вовсе и не требовала этого), но к началу XX века положение вещей стало очевидным. Упорная осада японцами Порт-Артура в 1904 г., прежде всего, объясняется необходимостью для японцев уничтожить русский флот, чтобы обеспечить себе безусловное превосходство на море (являвшееся ключом к выигрышу войны).

Согласно планам В.А. Сухомлинова, перестройка крепостей должна была быть закончена в 1921 г. Кто бы дал России такой срок в эпоху империализма? Соответственно, кредиты отпускались соразмерно – по 2–3 миллиона в год. Причина отсталости России в крепостном отношении заключается как раз в этой самой *соразмерности* – на все тратили постепенно. А следовало бы сначала бросить все имевшиеся в наличии деньги на тяжелую артиллерию, потом – еще куда-то и так далее. В зависимости от наиболее насущных нужд. А так не успели ничего.

Представляется, что приоритет тяжелой артиллерии перед крепостями в Польше очевиден: Россия имела активно-наступательное планирование, и тыловые крепости были особенно-то ни к чему, пока не была, как говорится, «пришита последняя пуговица» в полевых войсках. Даже те мероприятия, что все-таки были сделаны, не доводились до конца, вследствие сопротивления поклонников крепости: «Пожалуй, наиболее крупной ошибкой было ограничение реформы Сухомлинова уничтожением крепостной пехоты. Следовало уничтожить и артиллерию сухопутных крепостей, переформировав ее в запряженные тяжелые батареи и создав при них обширную систему скрытых кадров для формирования новых тяжелых батарей при мобилизации»²⁰. Но произошло наоборот. В 1910–1914 гг., когда армия жизненно нуждалась в тяжелой артиллерии и реформе по изменению числа орудий в полевых батареях, увеличиваются кредиты на устройство и усиление крепостей. Правда, теперь деньги отправлялись лишь на ключевые районы: Новогеоргиевск, Гродно, Брест, Ковно.

Если учесть сметы бюджетной комиссии Государственной Думы, где ассигнования расщеплялись на 5–10 лет, то каждая первоклассная крепость (Владивосток, Кронштадт, Севастополь, Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Гродно) могла рассчитывать на ежегодный кредит в 2–5 млн рублей. Между тем один современный форт стоит три миллиона рублей. Русские крепости (где, по крайней мере, была крепостная артиллерия) перед Первой мировой войной: морские крепости Петроград, Выборг, Кронштадт, Свеаборг, Севастополь, Очаков, Керчь, Михайловское, Владивосток, Николаев. А также сухопутные крепости Ковно, Усть-Двинск, Варшава, Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Ивангород, Осовец, Ломжа, Гродно, Карс, Александрополь, Кушка, Термез. Часть их была упразднена и заброшена.

В любом случае, артиллерийское вооружение русских крепостей не отвечало требованиям современной техники. Участник Первой мировой войны, чья батарея в самом начале была переброшена в крепость Брест, писал: «Крепость Брест-Литовск в настоящее время могла бы только сыграть некоторую роль в общей боевой линии, как укрепленный опорный пункт. Как крепость она уже устарела и характером своих фортов, и своим вооружением. И только в

²⁰ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 781.

недавнее время было приступлено к постройке нескольких новых фортов, отвечающих современным требованиям. Что касается вооружения крепости, то таковое почти полностью состояло из орудий образца 1877г., в настоящее время мало пригодных. Из всего артиллерийского вооружения крепости только две или три 6-дюймовые гаубичные батареи новейшего типа представляли собой действительно серьезное вооружение, но и те были уже предназначены к отправке на фронт»²¹. К 26 августа 1914г. крепости Восточного фронта имели следующее количество орудий: Ковно – 356, Гродно – 145, Осовец – 107, Брест – 450, Новогеоргиевск – 547, Варшава – 30, Ивангород – 68: 44 пушки тяжелых образцов и 24 6-дм скорострельные гаубицы²².

Морские крепости также не разоружались в пользу сухопутных. Лишь небольшое число морских орудий (больше всего из Владивостока, как только выяснилось, что Япония примкнула к Антанте) было отправлено в Польшу. К примеру, к началу войны в Кронштадте было до 300 орудий тяжелой артиллерии разнообразных систем. Но они так и не были поставлены в польские крепости. По табели вооружения русские крепости в 1913 г. должны были иметь 4884 орудия. Состояло на вооружении и заказано – 2813. Некомплект – 43 %. Часть заказных орудий не поступила. Также в крепостях находилось более 3 тыс. орудий устаревших систем, уже принципиально снятых с вооружения и фактически не могущих сыграть никакой роли в обороне.

Артиллерийское вооружение крепости подразделялось на следующие отделы:

1) постоянное вооружение фортового пояса; 2) вооружение крепостной ограды; 3) частные артиллерийские резервы (для отражения атаки открытой силой); 4) главный резерв (вооружение фортового участка, избранного неприятелем для постепенной атаки); 5) запас артиллерии.

Согласно теории, вооружение крепостных фортов состояло из противотанковых орудий (3-дюймовые и 57-мм скорострельные пушки) и пулеметов (6–8 единиц на форт), фланкирующих орудий (57-мм скорострельные пушки). Вооружение долговременных промежуточных батарей – дальнобойные 6-дм и 42-лин. пушки; 6-дм и 8-дм гаубицы; мортиры. Артиллерийский резерв крепости: полевые орудия – 3-дм пушки, 48-лин. гаубицы и 6-дм полевые мортиры. Характерный же крепостной тип орудий – 6-дм пушки, 6-дм гаубицы, 8-дм мортиры. Для крепости в 16 фортов необходимо иметь более тысячи орудий, в том числе 700 пушек ближнего боя или мелкого калибра, и 500 пушек и гаубиц дальнего боя или крупного калибра²³.

Большинство орудий, состоявших на вооружении крепостных районов русской Польши, были переданы в крепости из расформированной осадной артиллерии. В основном – это пушки образца 1877г., которые в большинстве своем могли стрелять лишь со стационарных, заранее подготовленных платформ. Если общий недостаток орудий в крепостях составлял в среднем около 45% от положенного количества, то некомплект новейших орудий доходил до 80%. Новых же тяжелых гаубиц в ряде крепостей не было вовсе, так как их не хватало и для полевых армий. Таким образом, «большинство орудий, состоявших на вооружении сухопутных крепостей, было устаревших образцов, не отвечавших современным требованиям, хотя ко многим орудиям был применен вместо черного бездымный порох, и некоторые лафеты были усовершенствованы, что повысило баллистические качества орудий и увеличило скорость стрельбы»²⁴.

Сила обороны крепостей, как правило, строилась на вынесенных вперед фортах, чтобы предохранить от разрушения дальнобойной артиллерией цитадели и складов. Еще после

²¹ Веверн Б.В. 6-я батарея 1914–1917 гг. Париж, 1938. Т. 1. С. 33.

²² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 717. Л. 18.

²³ Клокачев П. Краткий курс атаки и обороны крепостей и минного искусства. СПб., 1913. С. 7.

²⁴ Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. М., 1938. Т. 1. С. 45.

франко-прусской войны 1870–1871 гг. стало ясно, что технические требования повысившейся дальноточности артиллерии вынуждают выносить перед крепостями линию фортов с тем, чтобы не допустить артиллерийского обстрела ядра крепости. Однако форт есть всего лишь только убежище для живой силы. Вся оборона строится на промежуточных батареях, контролирующих как огневую мощь фортов, так и промежутков между ними. Таким образом, главную роль в обороне крепости играет артиллерия, сосредоточенная на промежуточных батареях. Так, Р.И. Кондратенко, своевременно построивший эти батареи в Порт-Артуре, сумел удержать крепость и затянуть осаду.

Напротив, в 1914г. бельгийский Льеж пал так быстро потому, что там не было промежуточных батарей, и немцы, бросившись между фортами, сразу же взяли город, после чего уже разбивали тяжелой артиллерией форты. Общий вывод и для Западного, и для Восточного фронтов: «Отдельные крепости нельзя было удержать. Объединение ближней и дальней обороны было нецелесообразно. Все форты являлись исключительно благоприятными целями для артиллерии. Они также были мало целесообразны и как опорные пункты ближней борьбы. Все укрепления подготавливались к штурму 42-см мортирами. Фортовые укрепления часто изнемогали от одного морального воздействия артиллерийского огня. Бронированные орудия, имевшие наблюдение внутри укрепления, оказывались бесполезными. Если они и не были разрушены, то становились небоеспособными в результате сотрясений или повреждения механизмов вращения»²⁵. Русская разведка еще перед войной предупреждала о силе австрийской осадной артиллерии. «Краткая записка об австрийских укреплениях в Галиции», выпущенная в начале войны, указывала, что «Австро-Венгрия завела значительный парк современных осадных 12-дм мортир, очень важных для атаки русских крепостей, но имеющих второстепенное значение при обороне, и не имеет в своих крепостях ни одной современной гаубицы среднего калибра»²⁶.

В русских крепостях в кампании 1915г. не было современных пушек, способных на равных биться с немецкими осадными группами. Цитированный выше П. Клокачев указывает, что вооружение долговременных промежуточных батарей – это дальноточные 6-дм и 42-лин. пушки, а также 6-дм и 8-дм гаубицы. Этих орудий современных образцов, как и промежуточных батарей и узлов, без которых линия фортов теряла свое значение, в русских крепостях практически не было. Отсюда и быстрое падение крепостей в кампании 1915г. Согласно всеподданнейшему докладу по военному министерству за 1914г., к 1 января 1915г. в крепостях состояло около 7634 орудий и 3234 полупудовые мортиры²⁷. Однако в львиной своей доле все это был устаревший хлам. Эти орудия не годились ни для обороны самой крепости, ни для усиления полевых армий.

Недаром все мало-мальски годные для ведения современной борьбы батареи осенью 1914 г. были переданы фронту и передовым крепостям, а для штурма Перемышля не было соответствующих тяжелых калибров, что вынудило главнокомандование Юго-Западного фронта блокировать австрийскую крепость и осаждать ее измором. Пришлось обращаться к иностранным закупкам – в 1914 г. военное ведомство закупило в Японии старые, но все-таки пригодные для войны тяжелые орудия, которые почти все пошли в крепости взамен изымаемых отсюда русских крепостных пушек для полевых армий, брошенных в Карпаты и Восточную Пруссию.

Согласно предвоенному реформированию сухопутной армии, предпринятой министерством В.А. Сухомлинова, крепостные войска упразднялись совсем, а мобилизационные формирования относились вглубь страны, ближе к источникам живой силы. Эта мера должна

²⁵ Людвиг М. Современные крепости. М., 1940. С. 35–36.

²⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1708. Л. 11.

²⁷ Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). Сборник документов. М., 2004. С. 490.

была усилить мощь полевых армий. Ведь теперь из резервистов должны были формироваться второочередные дивизии, которые подлежали переброске на театр военных действий. Причина тому – недостаточная сила ударной группировки, вследствие технической слабости; количество живой силы должно было возместить нехватку техники. Таким образом, «поскольку теперь мобилизация армии должна была производиться в центральных регионах России, оборонительная роль западных крепостей в начальной фазе войны становилась избыточной. Более того, Сухомлинов утверждал, что в любом случае прогресс дальнобойной артиллерии лишал существование крепостей всякого смысла – стоимость их содержания, не говоря уже о необходимости усовершенствования, чтобы они могли противостоять огневой мощи современной артиллерии, составляла сотни миллионов рублей – сумма, которую разумнее было пустить на текущие армейские нужды»²⁸.

Еще 8 мая 1908г. начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын писал премьер-министру П.А. Столыпину: «...живая сила государства, армия, в современном ее виде, слаба и числом, и устройством. Имея за собою обширные пространства, мы в случае неуспеха, не приспособлены – по своему устройству, численности своих обученных запасных и заготовке средств – вести на Западе войну длительную. Мы рассчитываем на такую борьбу, ссылаясь на пример Отечественной войны, но надо признать, средств к такой борьбе и надлежащей подготовки у нас в наличности нет»²⁹. Но о крепостях не забыли. Для создания постоянных гарнизонов сохраняемых крепостей Гродно, Ковно, Новогеоргиевск, Осовец и Брест-Литовск должны были быть сформированы третьи бригады в составе перволинейных 2, 16, 26, 28 и 38-й пехотных дивизий.

Слабость крепостных войск была известна уже давно, хотя до своего упразднения все полевые занятия и маневры они проводили в крепостном районе, и поэтому отлично знали местность. Но если немцы в состав постоянных гарнизонов назначали местных жителей, состоявших в запасе, то русские, имея крепости на территории Польши, не могли взять с противника пример – полякам не доверяли. Отсюда и слабость крепостных гарнизонов как войсковых единиц. Участник войны вспоминал: «Если крепостная артиллерия была падчерицей среди частей нашей артиллерии, то такими же пасынками были в пехоте крепостные пехотные батальоны. Думаю, что вакансии в эти пехотные батальоны были среди юнкеров военных училищ еще менее популярны, чем вакансии в крепостную артиллерию среди юнкеров артиллерийских училищ»³⁰.

Причины такого отношения к крепостной пехоте ясны: войны всегда велись вне России, а крепостные войска – это преемники так называемых гарнизонных войск. Безусловно, хорошо иметь постоянные подразделения в качестве гарнизонов крепостей. Например, французский автор считает, что «укрепления приобретают ценность только с течением времени, когда они действительно находятся в исправном состоянии, когда их защитники приобретут известный опыт и будут уже закалены войной... Человек, внезапно оторванный от занятий мирного времени, лишь постепенно привыкает к опасности, которая в начале войны всегда принимает неожиданный характер. Многие крепости первой линии не пали бы так скоро после нескольких месяцев кампании»³¹. Но русские были вынуждены выбирать слишком по многим позициям. И на этот раз компромисс не годился: русские ударные группировки обязывались на наступление в самом начале войны, и потому приоритетом ставилась полевая армия.

Понятно, что, расформировав перед войной крепостные войска, русские не имели права использовать крепости иначе как в линии полевых войск (но Осовец – единственный пример), но никоим образом – сами по себе. Между тем все вышло как раз наоборот: продолжало гос-

²⁸ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 90.

²⁹ Цит. по: Сергеев Е.Ю., Улузян А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М., 2003. С. 234.

³⁰ Военная быль. 1963. № 64. С. 14.

³¹ Кюльман Ф. Стратегия. М., 1939. С. 329.

подствовать воззрение на крепость, как фортификацию, способную к изолированной обороне. Русская армия вообще готовилась, по выражению И. Вацетиса, в качестве сильнейшего удара для выигрыша генерального сражения, долженствовавшего, согласно существовавшим воззрениям, решить исход войны. Однако уже в ходе сосредоточения масса второочередных дивизий мгновенно была разбросана по крепостям в качестве прикрытий, что лишило полевые армейские корпуса дополнительной живой силы.

А ведь те же австрийцы сразу же влили резервные дивизии в армейские корпуса, а немцы вообще до войны предусмотрели их объединение в более крупные соединения – резервные корпуса. Промах был осознан достаточно быстро, но к этому времени уже последовал Танненберг. То есть дело не в упразднении крепостных войск, а в инертности мышления: правильную меру (огневая ружейная мощь каждого армейского корпуса, по итогам сухомлиновской реорганизации, увеличивалась на треть) умудрились загубить в ходе войны, запирая эти войска в крепостях, которым никто не угрожал, что существенно сказалось на ходе первых операций.

В 1905 г. фельдмаршал А. фон Шлиффен говорил: «Современные большие крепости не имеют целью способствовать оборонительным операциям. Напротив, они предназначены сделать способными к наступлению даже численно более слабые силы, давая возможность войсковым соединениям, пользующимся крепостями, наносить внезапные удары в самых различных направлениях и прикрывая их фланги и тыл». Не прошло и двух лет, как русские вновь меняют свое оперативно-стратегическое планирование. По настоянию штабов военных округов развертывание опять было вынесено вперед, к линии государственной границы. Правда, в связи с планами Генерального штаба, предусматривавшего одновременное наступление в Восточную Пруссию и Галицию, крепости Средней Вислы не стали восстанавливаться.

В 1912 г. планы русской мобилизации и сосредоточения были изменены – теперь только наступление на Берлин и Вену. В отношении же крепостей было установлено, что впредь до усиления полевой армии изменений в крепостные районы вноситься не будет. Следовательно, Россия встретила Первую мировую войну в крепостном отношении на параметрах 1910 г. Это – укрепленный правый (северный) фланг против наиболее сильного противника (Германии): крепостные районы Новогеоргиевска, Осовца, Ковно. Это – начавший восстанавливаться ближайший тыл в виде крепостей Гродно и Брест-Литовск. При всем том левый (южный) фланг, находившийся против более слабого противника (Австро-Венгрия) в крепостном отношении восстанавливаться не стал, так как русское планирование войны было рассчитано на победу над австрийцами в приграничном сражении генерального свойства. Поэтому заброшенный было Ивангород за год до начала войны получил вновь своего коменданта, но ни постоянного гарнизона, ни артиллерии туда так и не было поставлено.

Точно так же не стала восстанавливаться в крепостном отношении и Варшава, ибо переноса боевых действий на линию Средней Вислы не предполагалось. Единственно, что перестали уничтожать старые форты. Забавно, но факт: первыми из крепостей, которым предстояло выдержать сильнейшие удары неприятеля, если не считать маленького форта-заставы Осовец, стали именно заброшенные крепости – Варшава и Ивангород. Именно эти пункты вместе с Осовцом и несли на себе тяжесть крепостной борьбы на Восточном фронте в кампании 1914 г. Время прочих крепостей настанет в 1915 г.

Оборона линии Средней Вислы: Варшава – Ивангород стала ключевой в первый год войны, так как закрывала собой дорогу в пределы русской Польши, одновременно являясь базисом, прикрывающим сосредоточение ударной русской группировки, готовящейся к вторжению в пределы Германии (от Варшавы) либо Австро-Венгрии (от Ивангорода). Столица Польши – Варшава – перешла под владычество российской короны по окончании Наполеоновских войн, согласно решениям Венского конгресса, разделившего Европу между державами-победительницами и определившего сферы их влияния. Русские императоры то предоставляли Польскому королевству в составе Российской империи широчайшие льготы

(конституция Александра I), то, напротив, проводили рьяную русификацию Польши, вплоть до официального ее переименования (Привислинский край эпохи Александра III). Все эти годы – сто лет до начала Первой мировой войны – русские считали поляков своими ненадежными подданными, но всеми силами старались удержать Польшу в составе империи.

Взаимовлияние двух народов носило причудливый характер. С одной стороны, памятуя Смуту начала XVII века и роль в ней Речи Посполитой, русские всячески подавляли проявления польской самостоятельности и суверенитета, не желая повторения горьких уроков прошлого. Поляки были ограничены в некоторых правах на территории государства (университеты, офицерские чины и проч.). высшие лица Российской империи после восстания 1863 г. уже не помышляли даже о предоставлении Польше какой-либо автономии – лишь начало Первой мировой войны вынудило российские власти задуматься над данной проблемой. С другой стороны, в целях сохранения своего господства над Польшей – пограничной с германскими странами (Германия и Австро-Венгрия) территорией – русские были вынуждены всеми силами развивать Привислинский край. Здесь возводилась стратегическая железнодорожная сеть, несравненно более густая, нежели в целом по стране (после получения Польшей независимости в 1917 г. все это достанется полякам). Здесь возводились крупные заводы (достаточно упомянуть только Лодзинский промышленный район). Поляки в львиной своей доле верно служили России в вооруженных силах и на всякой другой государственной службе. Польские землевладельцы имели несравненно большие права, нежели трудившиеся на их землях белорусы и украинцы.

Тем не менее политика русификации Польши, проводившаяся правительствами последних российских императоров Александра III и Николая II, только способствовала усилению и углублению противоречий между двумя славянскими народами. Характерным признаком этого недоверия стало строительство немного севернее Варшавы мощной крепости Новогеоргиевск – бывшего Модлина. В самой же польской столице также была возведена цитадель, обеспечивавшая контроль над всегда могущим загореться в мятеже городом. Значение Варшавы как крепости на западной границе России невозможно переоценить. В свое время еще готовившийся к вторжению в Россию Наполеон утверждал: «Это будет настоящая крепость великого герцогства. В ней должно поместить арсенал, магазины артиллерийские и комиссариатские и все запасы так, что если бы и Варшава взята была, то эта крепость осталась бы и доставляла бы господство над обоими берегами Вислы и Нарева».

Помимо обеспечения контроля над водоразделом Вислы и Нарева, закрывавшего дорогу вглубь русской Польши, Варшава сама по себе являлась крупнейшим промышленным городом Российской империи, где были сосредоточены не только заводы и фабрики, но и административные учреждения, правительственные канцелярии, наконец, штаб Варшавского военного округа. Совместно с крепостью Новогеоргиевск Варшава составляла тот стратегический заслон, что прикрывал русское сосредоточение и развертывание на западной границе. Вместе с тем выдвинутый вперед «Польский балкон» являлся базой снабжения русских войск, действующих в Европе.

После же активного железнодорожного строительства Варшава стала крупнейшим узлом коммуникаций русской Польши. Удобные для больших войсковых масс переправы на линии Средней Вислы находились лишь в двух пунктах – Варшаве и крепости Ивангород. Немцы так писали о значении варшавского крепостного района: «Находясь при слиянии больших водных оборонительных линий пограничной полосы, он прикрывает самым надежным образом происходящее за ними первоначальное сосредоточение русских войск. В случае же наступления немцев на линию рек Вислы и Нарева, вынуждает их избирать пункты переправ через них в значительном удалении от района, а после переправы оставлять против него серьезные силы. В случае наступления русских в Германию – укрепленный район послужит стратегическим

тет-де-поном, и местом склада различного рода запасов для операций против немецких крепостей»³².

Составление стратегического планирования в России в середине XIX века, по окончании Крымской войны, привело к тому важному выводу, что польская столица должна являться крепостью. А именно – крепостью современного типа, имеющую не только укрепленный центр, но и являющуюся центром крепостного района. Варшава стала обноситься фортовым поясом, дабы не допустить обстрела города и его жизненных точек современной дальноточной артиллерией. Опыт осады Парижа немцами в 1870г. не прошел даром. А Варшава справедливо представлялась русским форпостом, вынесенным вперед для удара по великим европейским державам в случае военного конфликта с ними. Исследователь верно пишет, что «в 1880г. победили генералы Главного штаба, считавшие необходимым сделать город Варшаву большой крепостью. Они аргументировали свою позицию тем, что город и переправы легко, несмотря на цитадель, попадут в руки противника со всеми его богатейшими средствами. Тогда, если бы цитадель и обстреливала переправы, они все-таки находились бы в руках населения и неприятеля, и упорная оборона Новогеоргиевска не имела бы того значения, как в том случае, если бы Варшава, как крепость, находилась в наших руках, позволяя также пользоваться ей для активных операций на левом берегу Вислы. Все железнодорожные пути от германской границы заперты Варшавой. Она же не позволяет захватить железнодорожные мосты, она же принимает в себя весь подвижной состав железнодорожной заграничной колеи, протянутой от Вены и Берлина даже до правого берега реки включительно. Она же должна была образовать краеугольный устой будущего обширного стратегического плацдарма на передовом театре войны»³³.

Заключение франко-русского союза в 1892–1893 гг. привело к дальнейшему укреплению западного плацдарма Российской империи. Теперь, когда Европа разбивалась на противостоящие и готовые сойтись в Большой Европейской войне военно-политические блоки, Германия и Австро-Венгрия стали восприниматься в качестве потенциальных врагов. В Польше начинает строиться стратегическая железнодорожная сеть, призванная ускорить сосредоточение русских армий на западной границе. В Польше расквартировывается все больше и больше войск, долженствовавших принять на себя тяжесть первых операций. То есть в Польшу вкладывается все больше и больше средств. Ясно, что это укрепление не могло пройти и мимо крепостей. В том числе и мимо Варшавы.

Суть проблемы заключалась в том, нужен ли России выдвинутый на запад стратегический плацдарм или нет. Так или иначе, но франко-русские договоренности предполагали необходимость русского удара по Германии, а значит, ведения наступательных действий с самого начала войны. Тем не менее, «укрепленный район в Польше подвергался самой разнообразной критике. Часть военных специалистов, основываясь на действиях соседей, считала, что он безусловно необходим, а другие – находила не полезным внушать полевым войскам „паническое“ настроение, укрывая их под защитой крепостей. Полемика в военной литературе, на тактических и стратегических играх военных кругов, была весьма яростная, но все же одержало верх мнение стоявших за такой широкий плацдарм»³⁴. Таким образом, Варшава должна была оставаться крепостью. И не просто крепостью – но крепостным районом современного типа.

Поражение в Маньчжурии и Первая русская революция стали причиной расстройств финансов Российской империи, и после 1906 г. резко уменьшилось финансирование вооруженных сил. В этой обстановке стало не до крепостей. Средства на поддержание крепостных районов в должном состоянии отпускались скудные и явно недостаточные. На повестку дня встал вопрос о существовании крепостей вообще. И здесь вновь сыграли свою роль статьи

³² Русские крепости и укрепления на фронте против Германии. Пер. с нем. Варшава, 1909. С. 6.

³³ Широкопад А.Б. Чудо-оружие Российской империи. М., 2005. С. 154–155.

³⁴ Военная быль. 1963. № 58. С. 37.

франко-русского союзного договора – противодействие германскому плану войны, известному как «План Шлиффена». Русские обязывались на первом этапе войны в кратчайшие сроки провести мобилизацию и сосредоточение (стратегические железные дороги в Польше строились на французские займы) и мгновенно броситься в Германию, чтобы не позволить немцам разгромить французскую армию и вывести Францию из войны. Следовательно, приоритет финансирования должен был быть отдан полевым войскам, раз уж Россия принимала на себя обязательство действовать не оборонительно, а ярко наступательно. Опираясь на данные тезисы, военный министр В.А. Сухомлинов в 1910 г. и предложил оставить передовые крепостные районы в «заброшенном» состоянии.

Таким образом, умелое манипулирование союзными договоренностями относительно ведения наступательных действий в сочетании с объективными трудностями денежных влияний в вооруженные силы привели к тому, что военный министр сумел добиться упразднения передовых крепостей – Варшавы и Ивангорода, запиравших линию Средней Вислы. От упразднения уцелел только Новогеоргиевск. Подъем российской экономики побудил военное ведомство в 1912 г. принять на вооружение новое планирование, основанное на сосредоточении шести армий вдоль государственной границы. Однако это решение было принято под давлением штабов военных округов (прежде всего, Киевского военного округа) и против желания военного министра и его ставленников в Генеральном штабе. Пользуясь тем, что развертывание предполагалось вне Вислы, военный министр все-таки не стал восстанавливать уже к тому времени «заброшенные» крепости.

Объективная оценка есть вещь тяжелая. Современники, исходя из уже известного хода событий Первой мировой войны, единодушно критикуют В.А. Сухомлинова, сменившего курс развития русских крепостей после замены прежнего министра А.Ф. Редигера. Например, комендант Ивангорода вспоминал, что при Сухомлинове «в военном министерстве укрепилась новая идея – уничтожения крепостей. Почти в течение четырех лет оказалось невозможным поднять вопрос о перестройке крепостей, что нанесло непоправимый вред нашей военной готовности»³⁵. Оценивая же принимаемые решения издали, надо отметить, что мнение военного министра относительно крепостных районов Передового театра нельзя воспринимать однозначно. С одной стороны, действительно, упразднение крепостей ослабило русскую оборону на западной границе. С другой стороны, финансирования все равно не хватало, масса денег ушла на восстановление флота, да и план войны был наступательным.

Крепости все равно не могли финансироваться иначе, как по остаточному принципу. Что сказали бы современники, если бы русский Северо-Западный фронт в августе 1914г. не был разбит под Танненбергом, а сумел бы уничтожить германскую 8-ю армию и выбить немцев из Восточной Пруссии, создав тем самым условия для броска на Берлин? Именно так и должны были действовать русские армии в начале войны. А войсками, руководимыми бездарнейшими военачальниками, командовал все-таки не генерал Сухомлинов. Что тогда сказали бы современники, видя, что войскам не хватает технических средств ведения боя, но зато на Висле стоят современные крепости, оставшиеся в глубоком тылу? Кого тогда бы корили за напрасную трату средств на чисто оборонительные сооружения?

Другое дело, что можно было бы просто «забросить» упраздняемые крепостные районы и ограничиться этим. Тем более, что угроза войны так и витала в воздухе. Но нет – в своем стремлении предусмотреть каждую мелочь, упуская из виду самое главное, упразднением не ограничились. Было решено уничтожить уже имевшиеся укрепления, чтобы они не достались противнику, так как по плану 1910 г. линия Средней Вислы сдавалась без боя. Во имя этого форты варшавского крепостного района стали взрывать, одновременно таким мероприятием ликвидируя ставшие ненужными запасы черного пороха, скопившиеся на складах.

³⁵ Шварц А.В. Оборона Ивангорода в 1914–1915 гг. М., 1922. С. 51.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.